

ВАС ЛЮБЛЮ

Мужчина и его талантливые женщины

Виктор Мережко еще летает во сне и наяву

Говорят, если у человека есть собака, то это непременно хороший человек. А если у человека есть попугай? Тогда, вполне возможно, он — кинорежиссер Виктор Иванович Мережко. «Молчи, я не с тобой разговариваю», — несколько раз строго сказал он общительной Ксюше, которая все пыталась вставить в нашу беседу свое кокетливое «ку-ку». Было ясно, что эти двое прекрасно понимают друг друга, только своеобразная Ксюша не очень-то верит строгому голосу своего хозяина...

Семья и звери

— Вы когда-нибудь теряли голову от любви?
— Нет. Влюбился один раз. В свою будущую жену: она была очень красивой девушкой и на 10 лет меня моложе — когда я ее впервые увидел, ей было 15 лет. Я безумно ее добивался. Вот единственный раз, когда я сходил с ума и терял голову от любви. А так одно из моих главных качеств — я умею распределять себя. Не могу сказать, что я не страстный человек, но как только возникает некая страстность, я ее глущу, говорю себе: нет, не надо, это помешает твоей работе, твоей семье, твоим детям, твоему положению в профессиональном кругу...

— Каким у творческого человека должен быть дом, чтобы ему хорошо работалось?
— Дружный, добрый и способный прощать. Домом я называю не стены, а родных. У меня, правда, больше нет в доме любимой жены — недавно Тамара умерла. Она была поразительная женщина. В том, что я состоялся, во многом ее заслуга. И она воспитала двух потрясающих детей: Ивана, ему сейчас 16 лет, и Марию, ей 24 года, — уважительных, заботливых, терпеливых, умеющих прощать.

— Ваша жена все время вашей громкой карьеры была в тени, ее не видно было рядом с вами на каких торжествах, праздниках. Почему?
— Она окончила в свое время биологический факультет Ростовского университета, потом работала в лаборатории гистологии в Институте Вишневского в Москве. Потом, когда Ваня родился, целиком посвятила себя дому. Она очень достойно и красиво держала дом. У меня характер, мягко говоря, непростой, но она умела обходить мои бесконечные острые углы, а их на 360 градусов хватает. И атмосфера в семье всегда была очень спокойная. А на так называемые «тусовки» она ходит просто не любила.

— Всегда не любила?
— Нет, не всегда, а с тех пор, когда стала заниматься только домом. Кроме того, она стала очень верующим человеком, много времени посвящала духовным книгам, в церковь ходила довольно часто. Светская жизнь ей, так скажем, была менее интересна, чем ее внутренняя жизнь. И получалось так — все на банкет идут с женой, а она говорит: «Вить, возьми Машеньку или Ванюшу, а я не хочу». Она избегала всего светского, хотя была женщина красивая, и мне бы доставляло удовольствие быть где-то вместе с ней. Ее очень любили мои друзья.

— А вы устраивали домашние вечера?
— Да, в 80-е годы особенно. Приходили Эдик Артемьев, Люда Зайцева, Наташа Гундрева, Виталий Мельников из Питера приезжал, Витя Трегубович покойный. У нас были такие потрясающие вечера... Тамара гостей любила очень. Потом у нее была особая такая: даже по телефону, даже если человек ей малоинтересен, она была предельно доб-

рожелательна, и с ней все любили общаться. К нам очень любили приходить люди, пожалуй, больше из-за нее, нежели из-за меня.
— Говорят, к тому моменту, как два человека хорошо узнают друг друга, это уже два совсем других человека, чем были до того. Вас изменила встреча с вашей женой?
— Я бы разделил свою жизнь на две части. Первую часть меня воспитывала мама: ну как воспитывала — присутствием своим. А после 30 лет меня воспитывала жена.

— И что она в вас воспитала?
— Интеллигентность, сдержанность в эмоциях и поступках, умение прощать, меньше быть хамом и тяжелым человеком. Именно она сделала меня терпимым, более мягким и сердечным.

— А ее духовные пристрастия как-то повлияли на ваше отношение к жизни?
— Мы — Мама, Ваня и я — молимся перед принятием пищи, ходим в храм на исповедь, причащаемся. Церковь — это часть нашей жизни, может быть, не доминирующая. К сожалению. Но тем не менее каждый день я начинаю молитвой. Это отношение, как бы сказать, к Вечности, это придает более глубокий смысл жизни.

— Я знаю, что ваша дочь училась за границей, потом, не закончив образование, вернулась и поступила во ВГИК.
— Да, Мама действительно четыре года училась за границей: два года в колледже, два года в бельгийском университете на факультете переводчиков, знает два языка — французский и английский. Но... ей стало там неинтересно. От системы отношений. Она на Западе жесткая, сухая, рациональная, все выверено до микрона — даже реплики в разговоре. Это тяжело. И Мама решила вернуться в Москву. Здесь поступила на высшие курсы телевизионных ведущих, намечалась работа на телевидении, но Мама стала сниматься в сериале «Клубничка», год ему отдала — 150 серий... Теперь учится во ВГИКе на режиссерском факультете компьютерной мультипликации у Владимира Кобрина.

— О карriere переводчицы больше не вспоминает?
— Ей больше нравится заниматься искусством. Я думаю, она

наконец нашла то, что искала. Мама влюблена в своего мастера, в профессию. На каникулах вместо отдыха писала какие-то сценарии для будущего мультфильма, раскраску сделала... Все время рисует.

— А Ваня, кажется, увлекается гитарой?
— Да, неплохо играет, у него своя группа. Недавно он был на байкер-шоу, три часа отыграл концерт — воображает себя байкером... Но мне кажется, что со временем он тоже будет поступать во ВГИК. Он, в общем-то, уже хочет заниматься чем-нибудь в кино.

— Но я ему сказал, что он пока к этому не готов — для кино надо повзрослеть, годика два где-нибудь потерпеть, возмужать, набраться опыта, человеческого багажа. Пока его кино — «фабрика грез», фабрика визуального представления. Посмотрим.

— Попугай тоже считается членом семьи?
— Ксюша живет у меня в мастерской уже 18 лет. Это — противная, добрая, ласковая, злая «женщина», которая ревнует к каждому, кто ко мне приходит, она чувствует мое настроение, и в этом смысле она не птица даже, а эмоциональный, финансовый, в социальном. Когда я чувствую, что меня «заносит» — тут же ухожу в сторону. А колья рационален, то вижу, насколько женщина способна поступать нерационально — фантастически ломать сюжет жизни. Женщина — самый благодатный материал, из которого лучше всего лепить.

— Вы своих героинь придумываете или они «писаны» с настоящих женщин?
— Все-таки я их придумываю. Хотя в «Здравствуй и прощай» как бы свою маму писал, в «Родне» для героини взял судьбу своей тещи...
— А истории любви, которые живут в ваших сценариях, взяты из вашей жизни?
— Ну, скажем, это не истории любви, а скорее, истории приключений или увлечений, пусть коротких, но романов. В частности, в том же фильме «Прости» есть совершенно очевидные вещи из моей жизни.
— Есть сценаристы, которые слушают и записывают чужие истории в специальные тетради. У вас есть такая тетрадь?
— Нет. Я — запоминую: какую-то историю из жизни тут же автоматически преобразую в сюжет, и уже как сюжет она во мне сидит, и, когда понадобится, я ее из памяти вытаскиваю. А так — чью-то частную историю, фразы остроумные, кем-то произнесенные, я и записываю. Анекдоты вот — штрихами отмечаю...
— Вы для Мордюковой обещали написать сценарий. Напишете?
— Знаете, уже нет. Когда-то я написал для нее роль в сценарии «Под небом голубым». Но на сценарий надо было ехать в Белоруссию, а она отказалась, сказала: пусть съемки будут в Москве. Она стала капризной, у нее семь пятниц на неделе. Я бы с удовольствием написал для нее, и деньги нашлись бы, но...
— Как вы считаете, женщины из ваших сценариев — типичны?
— Они жизненны. Вполне могут быть такие женщины. Хотя у меня они всегда максимально нагружены эмоциональными поступками. Моя героиня типична, но — со знаком «плюс»: она как бы стоит на котурнах и поступает экстравагантно.

— Каков же ваш идеал женщины?

— Я скажу эгоистично: идеальная женщина должна быть снисходительна к мужчине. Женщина агрессивна никогда не добьется успеха. Мужчина — существо тупое и тщеславное, ему надо покатать, ласкать и аккуратно подкашивать.

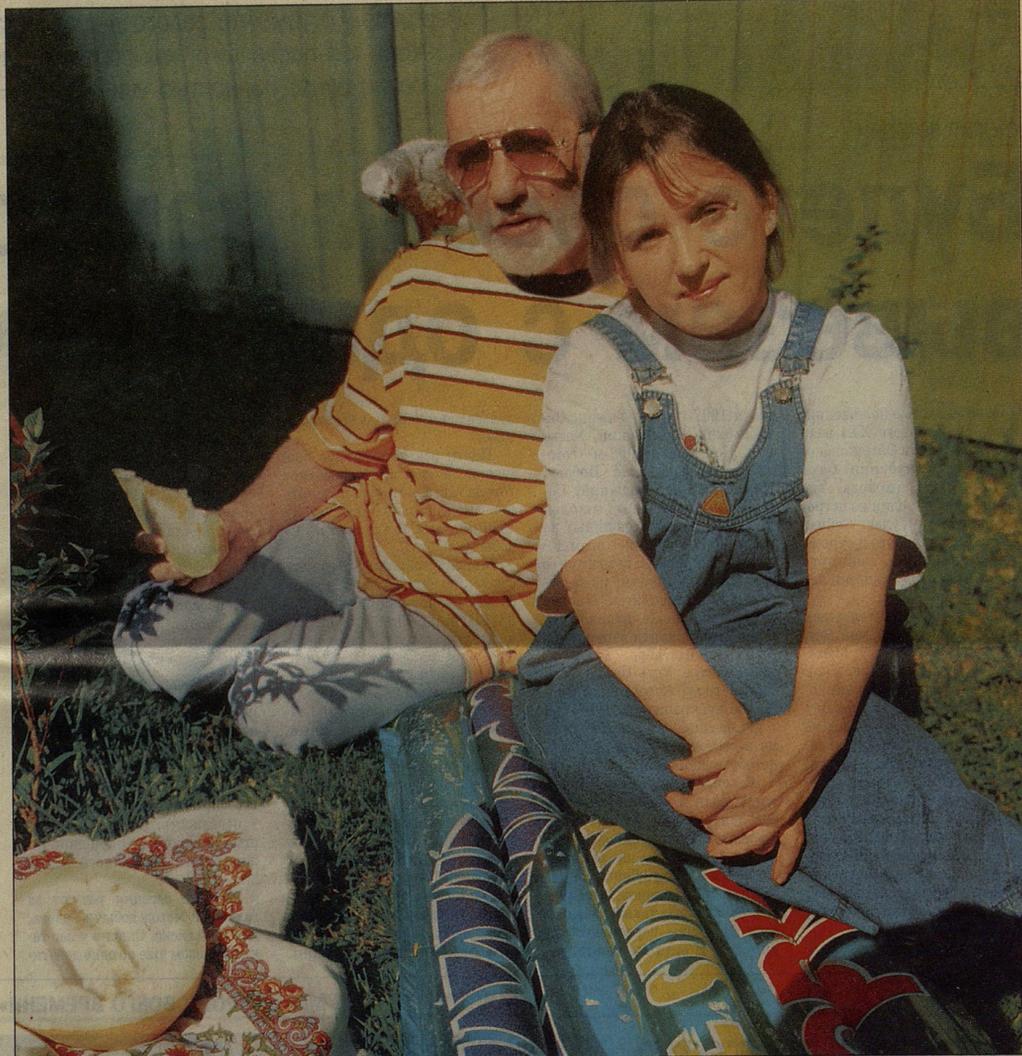
том, как мне плохо и как я страдаю... Потом, проработав три года инженером в издательстве в Ростове-на-Дону, я страшно захотел во ВГИК — поступил туда и окончил. Я очень быстро вошел в кино, уже на втором курсе у меня была снята четырехчастная «Зареченские женихи» на «Мосфильме», и я как-то быстро сформулировал для себя, что надо писать характеры, особенно женские характеры...
— Почему именно женские?
— Потому что женщина — самое талантливое создание на земле. Она рождает потомство, создает род, несет в себе любовь и освещает этой любовью и мужа, и ребенка. Женщина — все на себе несет, и в этом смысле она, конечно, поразительное создание. И потом она эмоциональна в большей степени, чем мужчина. А я терпеть не могу рациональных людей.

— Почему что сами таковы?
— Возможно. Я умею дозировать себя. Я очень хорошо держу в голове свой график — ежедневный, еженедельный и стратегический. И я распределяю свои силы, свои эмоции, свое время так, чтобы всегда быть в порядке — эмоциональном, финансовом, в социальном. Когда я чувствую, что меня «заносит» — тут же ухожу в сторону. А колья рационален, то вижу, насколько женщина способна поступать нерационально — фантастически ломать сюжет жизни. Женщина — самый благодатный материал, из которого лучше всего лепить.

— Вы своих героинь придумываете или они «писаны» с настоящих женщин?
— Все-таки я их придумываю. Хотя в «Здравствуй и прощай» как бы свою маму писал, в «Родне» для героини взял судьбу своей тещи...
— А истории любви, которые живут в ваших сценариях, взяты из вашей жизни?
— Ну, скажем, это не истории любви, а скорее, истории приключений или увлечений, пусть коротких, но романов. В частности, в том же фильме «Прости» есть совершенно очевидные вещи из моей жизни.
— Есть сценаристы, которые слушают и записывают чужие истории в специальные тетради. У вас есть такая тетрадь?
— Нет. Я — запоминую: какую-то историю из жизни тут же автоматически преобразую в сюжет, и уже как сюжет она во мне сидит, и, когда понадобится, я ее из памяти вытаскиваю. А так — чью-то частную историю, фразы остроумные, кем-то произнесенные, я и записываю. Анекдоты вот — штрихами отмечаю...
— Вы для Мордюковой обещали написать сценарий. Напишете?
— Знаете, уже нет. Когда-то я написал для нее роль в сценарии «Под небом голубым». Но на сценарий надо было ехать в Белоруссию, а она отказалась, сказала: пусть съемки будут в Москве. Она стала капризной, у нее семь пятниц на неделе. Я бы с удовольствием написал для нее, и деньги нашлись бы, но...
— Как вы считаете, женщины из ваших сценариев — типичны?
— Они жизненны. Вполне могут быть такие женщины. Хотя у меня они всегда максимально нагружены эмоциональными поступками. Моя героиня типична, но — со знаком «плюс»: она как бы стоит на котурнах и поступает экстравагантно.

— Каков же ваш идеал женщины?

— Я скажу эгоистично: идеальная женщина должна быть снисходительна к мужчине. Женщина агрессивна никогда не добьется успеха. Мужчина — существо тупое и тщеславное, ему надо покатать, ласкать и аккуратно подкашивать.

Полжизни Виктор Иванович прожил с этой поразительной женщиной

В поисках нового героя

— Вы когда-то попали в боевую точку в «Полетах во сне и наяву», обозначив героя того времени. Каков герой нашего времени?
— Он изменился кардинально. Конечно, суть человеческая, российская, осталась прежней. Но раньше герой нашего времени был во многом тот же, что и Печорин у Лермонтова, — «лишний человек» (примечание: как у Шукшина и Вампилова). В «Полетах во сне и наяву» тоже был такой герой — ненужный обществу, страдающий от своей невостребованности. Теперь эти бывшие «лишние люди» попали в тиски совершенно иные, от них общество требует поступка, но они, на мой взгляд, не способны на поступок созидательный. Герой сегодня способен только на отрицание и окопательное уничтожение. Сейчас, когда стало возмущать наше кино, оказалось, что фактически нет сценариев на современную тему, поскольку сценаристам надоело писать карикатурные характеры «новых русских», а другие — надо искать. По-моему, есть три героя нашего времени. Первые — это бывшие крупные чиновники, быстро освоившие новое время. Другие — вынуждены искать новое место в жизни. И третьи — молодые люди, которые, по сути, и строят новую Россию, но вот в чем состоит сюжет их жизни — пока трудно понять.

— А вы сами в ладу с сегодняшним временем?
— Да. Потому что почитать в лавах не люблю: в этом есть что-то от деградации. Я был одним из самых богатых и преуспевающих сценаристов СССР, и вдруг выяснилось, что мои накопления сгорели в считанные месяцы и я оказался в буквальном смысле почти нищим. А ведь у меня — семья, двое детей... Это заставило меня многое пересмотреть в своей жизни. И в какой-то момент я почувствовал, что сделал второй виток: начал жить по новой спирали. Когда наступают перемены — это очень полезно и для человека, и для общества. От этого молодеть. Сейчас появились колоссальные возможности для самореализации. Каждый начал сам отвечать за себя. И, к счастью, у нас люди не потеряли способности сострадать друг другу и давать соседям хлеб-соль, если те нуждаются...
— Какие качества сейчас нужны человеку, чтобы выжить?
— Рациональный подход к жизни. Другое дело — российский менталитет: он таков, что россиянин (пусть он даже и татарин, армянин, еврей, украинец) все равно подползает к жизни с точки зрения чувственной, эмоциональной. И так уж сложилось: у нас богатые мучаются оттого, что богатые, а бедные — что бедные. Все — чем-то недовольны. Я встретил недавно одного очень состоятельного и, безусловно, талантливого человека. Он мне сказал: «Мне нужно рассказать кому-то о своей горестной жизни...» Вот он — рус-

Место драматурга — за машинкой, а не у кормила власти

— К вопросу о вопросах. Не секрет, что очень многие кинематографисты были недовольны тем, как Никита Михалков собирает реорганизацию работы Союза кинематографистов, и вроде бы вы представляете лидера оппозиции. Это действительно так?
— Я бы сейчас не хотел комментировать это по многим причинам. Хотя коллеги действительно обозначили меня как одного из лидеров оппозиции, но я вовсе не состою в оппозиции к Михалкову, с которым мы прекрасно вместе работали на «Родне» и очень дружны. Мне просто казалось, что его команда из Российского фонда культуры может представлять некоторую опасность для нормального существования Союза.
— Так чем именно недовольны кинематографисты?
— Наверное, их насторожило довольно решительное заявление Михалкова на съезде кинематографистов, что он придет и наведет порядок: после 80 лет советской власти у нас люди генетически запрограммированы на страх по отношению к жесткому лидеру.
— Может быть, он действительно наведет порядок?
— Может быть. Еще до съезда Михалков позвонил мне и пригласил работать в правлении Союза — странно было бы выступать против него, находясь в его команде. А после съезда я окончательно решил: не хочу ни в какие оппозиции. Михалков — человек сильный, талантливый, разумный, и давайте так: поживем — увидим. А я прежде всего сценарист: умею писать, и это главное.

— Сейчас произошло резкое разделение поколений кинематографистов: молодые режиссеры не заказывают сценарии старшему поколению. Чем это обусловлено?
— Знаете, у них своя «тусовка». Наши молодые режиссеры очень быстро стали модными и еще быстрее — состарившимися. Настолько стремительно они оттолкнули от себя отечественное кино. Эти ребята так быстро решили, что способны создать нечто новое, и в итоге сами себя загнали в тупик: с одной стороны, они хотят традиционную русскую историю, а с другой — им нужно создать подделку под западное кино. Поэтому лишились и зрителя, и профессии, и перспектив, замкнулись в узком кругу. Молодые режиссеры, кстати, игнорируют Союз кинематографистов, не лю-

Смокинг и бабочка красивы сами по себе

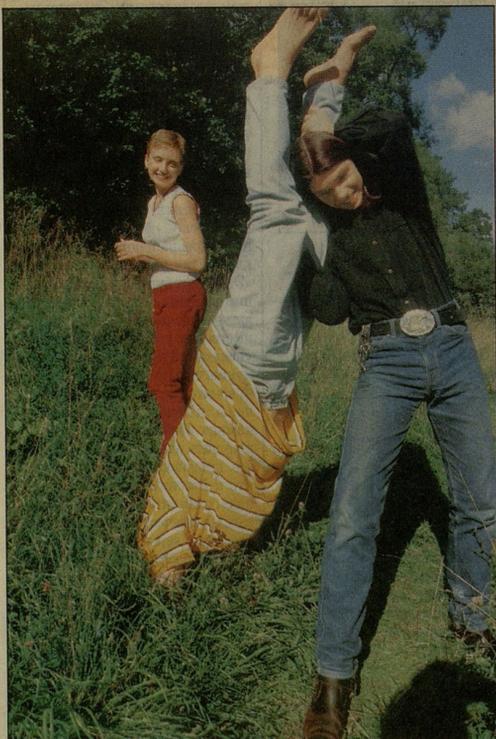
— Судя по светским хроникам, вы общаетесь с «новыми русскими». Это накладывает на вас какой-то отпечаток?
— Я с ними не общаюсь — это одна видимость, общение «по касательной». За все время лишь один человек из этого круга показался мне интересным, потому что он действительно добился очень большого успеха и предложил мне для сценария свою собственную историю жизни. Я думаю над этим.
— Журналисты вас ругают за излишнее пристрастие к смокингу и бабочке, говорят, что вы стали светским персонажем.
— А я светский человек и есть. Не люблю «тусовок», стараюсь поменьше на них бывать, но я — светский человек. А смокинг и бабочка — в них и некрасивый мужчина становится красивым, подтянутым. Мне кажется, человек в смокинге и бабочке демонстрирует уважение к обществу и — к себе самому. И потом я же не каждый день ношу смокинг — это было бы и глупо, и смешно. Вообще-то я обожаю джинсы. Но иногда не позволяю себе прийти куда-нибудь в расквашенной сорочке или в забрызганных штанах.
— Немного о тех «тусовках», в которых вам приходится участвовать по долгу службы: не утомляет ли вас фестивальная деятельность?
— Нет, это мое счастье. И анапский кинофестиваль, и, конечно, киноакадемия «Ника» — мы ее придумали с Гусманом, вот уже двенадцатый год этому празднику. Это же прекрасно, когда коллеги имеют возможность встретиться!

— Вы стали популярны в массах благодаря телевидению. А вам самому нравится передача «Мое кино»?
— Выпуск на выпуск не приходится. Кстати, если раньше это было ток-шоу, то теперь — нечто среднее «Кинопанораме». Мне кажется, передача стала более демократичной. Кстати, на телевидении я делал не только передачу «Мое кино», но и семь лет вел «Кинопанораму».
— Вы будете продолжать писать сценарии о любви?
— Сейчас запускается в производство фильм «Три женщины и мужчина». О любви. Это трагикомедия. Две немолчаливые женщины влюбляются в молодого прохиндея, а у него есть девушка... Счастлив, что там будут сниматься Нина Усатова, Саша Песков. Появилась такая молодая студия «Аполло», которая дала на фильм деньги. Кроме того, я очень рассчитываю на то, что в сентябре Всеволод Шиловский начнет экранизировать мою пьесу «Двое с большой дороги». Возможно, еще Евгений Татарский наконец заступится с моим сценарием «Бессае вдвоем». И сейчас я пишу продолжение «Полетов во сне и наяву», условно назвал его «Летать и падать»...

Беседовала
Наталья БОНДАРЕНКО
Фото
Александра ТЯГНЫ-РЯДНО
«Семь дней»

С дочкой Машей

Отцы и дети смотрят на жизнь по-разному: с Машей и Ваней

крикнешь и — разряжаешься. А она плочет мне в ответ и очень обижается...
Она — существо нерациональное, а он — тщеславное
— Как вы пришли в кино?
— Сначала я очень хотел быть артистом. Может, поэтому и снимался потом в фильмах по собственным сценариям — в «Диком пляже», в «Прости»... Но графоман всегда во мне сидел, и я писал — безумные, бездарные юношеские сочинения. Ездил, например, на практику в Ленинград, еще когда учился в Львовском полиграфическом институте, брал тетрадку и, сидя на скамеечке в Летнем саду, сочинял какую-то очень сопливую чушь о

крикнешь и — разряжаешься. А она плочет мне в ответ и очень обижается...
Она — существо нерациональное, а он — тщеславное
— Как вы пришли в кино?
— Сначала я очень хотел быть артистом. Может, поэтому и снимался потом в фильмах по собственным сценариям — в «Диком пляже», в «Прости»... Но графоман всегда во мне сидел, и я писал — безумные, бездарные юношеские сочинения. Ездил, например, на практику в Ленинград, еще когда учился в Львовском полиграфическом институте, брал тетрадку и, сидя на скамеечке в Летнем саду, сочинял какую-то очень сопливую чушь о